рая сейчасъ ведется на страницахъ реакціонной печати»,

«былъ бы приступъ къ пересмотру устаѣвшихъ нормъ, въ тискахъ которыхъ задыхаются милліоны вѣрноподданныхъ гражданъ, своею кровью и матеріальными жертвами свидѣтельствующихъ о преданности великой Россіи.

Вотъ повелительная задача, выдвигаемая настоящей минутой, и разрѣшеніе ея было бы великой исторической заслугой".

Намъ приходилось и, вѣроятно, придется и въ будущемъ не соглашаться во мнѣніяхъ съ «Голосомъ Москвы» по многимъ существеннымъ предметамъ. Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ наше согласіе въ вопросѣ, въ важность и неотложность котораго мы уже указывали. Это согласіе доказываетъ, что призывъ къ единенію различныхъ партій, къ совмѣстному разрѣшенію ими неотложныхъ государственныхъ задачъ, выдвинутыхъ переживаемымъ моментомъ, есть не только благое пожеланіе, но лозунгъ, имѣющій твердую опору въ реальной дѣйствительности.

Оно доказываетъ также, что вопросъ о національномъ равноправіи перестаетъ быть вопросомъ, это существенно различныя между собой по взглядамъ общественныя группы сходятся въ признаніи необходимости покончить съ раздѣленіемъ русскихъ гражданъ на гражданъ перваго и втораго разряда.

НАСТРОЕНІЯ И ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Полтораста верстъ по Восточной Пруссіи.

(Отъ нашего корреспондента).

Счастливый случай свелъ меня съ однимъ офицеромъ, которому пришлось совершить замѣчательную поѣздку: отъ нашихъ передовыхъ позицій въ Восточной Пруссіи до одного изъ русскихъ городовъ, всего на протяженіи почти 150-ти верстъ. По понятнымъ причинамъ, я не назову имени этого офицера и не укажу точно мѣстностей, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ. Но я считаю возможнымъ познакомить читателей съ нѣкоторыми эпизодами его разсказа, представляющаго выдающійся интересъ, такъ какъ онъ знакомитъ съ условіями жизни въ оккупированныхъ нами провинціяхъ. Добавлю, что событія, о которыхъ будетъ идти рѣчь, происходили дней 10—12 тому назадъ.

—

Офицеръ, со словъ котораго я разсказываю, — назову его хотя бы К., — могъ взять съ собою лишь одного денщика, такъ какъ большаго числа людей его часть отрядить не могла. Правда, офицеру дано было полномочіе взять въ случаѣ надобности людей изъ какого-либо встрѣчнаго казачьяго отряда, но онъ этимъ полномочіемъ не воспользовался. Такимъ образомъ, весь переѣздъ черезъ Пруссію К. совершилъ вдвоемъ съ денщикомъ, котораго назовемъ хотя бы Р.

Путь по бывшей прусской землѣ никакъ не могъ считаться безопаснымъ. Хотя регулярная германская армія принуждена была далеко отступить предъ натискомъ нашихъ войскъ, всѣ мѣстности были полны нѣмецкими шпіонами и злаутчиками. Преимущественно на велосипедахъ они слѣдили за передвиженіями нашихъ частей, пользуясь всякимъ случаемъ нанести намъ какой-либо ущербъ и не брезгали убійствомъ изъ засады. Иногда въ мѣстностяхъ, уже занятыхъ нами, появлялись вновь и нѣмецкіе кавалерійскіе разѣзды. К. зналъ, что все время долженъ быть на-сторожѣ и что успѣхъ его предпріятія зависитъ прежде всего отъ крайней осмотрительности.

Въ первый же день пути произошла встрѣча съ однимъ изъ нѣмецкихъ шпіоновъ. Оглядывая кругозоръ въ бинокль, К. замѣтилъ, что на краю дороги отдыхаетъ какой-то человѣкъ въ одеждѣ «зажиточнаго» цвѣта, положивъ около себя велосипедъ. Осторожно приблизившись, офицеръ громкимъ голосомъ приказалъ неизвѣстному не трогаться съ мѣста. Тотъ, напротивъ, различивъ русскіе мундиры, быстро подпрыгнулъ, сразу вытащилъ револьверъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, но счастью, не причинившихъ вреда; потомъ вскочилъ на свою машину и помчался по дорогѣ. Офицеръ еще разъ закричалъ ему: «Halt!». Велосипедистъ продолжалъ лететь, стараясь достичь ближняго лѣска, гдѣ могъ скрыться, съ тѣмъ, чтобы потомъ извѣстить своихъ товарищей о двухъ одинокихъ путешественникахъ. Колебаться было нельзя, и офицеръ въ свою очередь направилъ револьверъ. Второй пулей шпіонъ былъ убитъ наповалъ.

Не меньшую опасность представляли нѣмецкія селенія. Въ то время какъ жители польскихъ деревень въ Восточной Пруссіи встрѣчаютъ русскихъ привѣтливо и охотно оказываютъ имъ всякія услуги, жители селеній нѣмецкихъ или скрываются, или прибѣгаютъ къ самымъ безобразнымъ формамъ партизанской войны. Наши солдаты, напримѣръ, глубоко убѣждены, что нѣмцы отравляютъ колодцы, хотя врядъ ли это осуществимо уже въ силу техническихъ трудностей. Во всякомъ случаѣ нѣмцы стрѣляютъ изъ оконъ по проходящимъ русскимъ, ночью пытаются зарѣзать сонныхъ и т. д. Строго удостовѣренъ фактъ, что въ одной деревнѣ какая-то нѣмка, женщина пожилая, мать большаго семейства, выстрѣлила одному офицеру въ спину послѣ того, какъ тотъ спросилъ у нея молока и заплатилъ за кружку серебряномъ рублемъ, но неосторожно повернулся, поднося стаканъ къ губамъ.

Въ виду всего этого благоразумію требовало не проводить ночей въ домахъ. Послѣ цѣлаго дня труднаго пути К. со своимъ денщикомъ рѣшилъ переночевать въ полѣ. Ужь вечеромъ, въ наступающей темнотѣ, имъ пришлось пересѣчь небольшую рощу. Черезъ нее они ѣхали, не спуская пальцевъ съ курка. За рощей оказалось обширная поляна, гдѣ по крайней мѣрѣ можно было не опасаться нападенія нежданнаго. Привязавъ не безъ труда лошадей, офицеръ и его денщикъ согласились караулить по очереди, такъ какъ общая опасность временно сравняла ихъ. К. признается, что эта первая ночь, въ темномъ полѣ, вдали отъ товарищей, когда надо было полагаться только на свои собственныя силы и остерегаться каждаго шороха, каждой тѣни, каждаго куста, наводила на душу болѣе жуткое чувство, чѣмъ часы ожесточеннаго боя, подъ нѣмецкими пулями и шрапнелью.

Продолжая путь на слѣдующій день, В. одно время затруднялся въ выборѣ дороги. Хотя съ нимъ была подробная карта и компасъ, все-же не легко было разобраться среди множества перекрещивающихся тропинокъ, идущихъ по изрѣзанной мѣстности, съ оврагами, оврагами и лѣсками. Замѣтивъ въ отдаленіи довольно большую помѣщичью усадьбу, К. рѣшился обратиться туда за справками. Первоначально онъ разузналъ, конечно, кого можетъ встрѣтить въ усадьбѣ, и убѣдился, что тамъ —только старикъ-хозяинъ и его столь же старый слуга. Помѣщикъ,—мѣстный старожилъ-нѣмецъ, гордящійся своимъ гербомъ, весьма почтенный съ виду,— встрѣтилъ русскихъ дружелюбно. Онъ предложилъ офицеру завтракъ, отъ котораго тотъ отказался, и разсказалъ, что всѣ его слуги кромѣ одного при приближеніи русскихъ разбѣжались. «Самъ же я,—добавилъ старикъ,—не пожелалъ покинуть роднаго дома, гдѣ я родился и надѣюсь умереть. Русскимъ я никакого зла не сдѣлаю и вѣрю, что они также не сдѣлаютъ ала мнѣ». Офицеръ спросилъ разъясненій относительно дороги. Помѣщикъ выразилъ готовность помочь русскимъ, вышелъ изъ комнаты и вернулся со своимъ слугою Карломъ, говоря, что этотъ Карлъ проведетъ путниковъ, куда надо.

Карлъ также имѣлъ видъ весьма почтенный, съ сѣдыми волосами и сѣдыми усами, и казался типомъ стараго преданнаго слуги, безпрекословно выполняющаго волю хозяина. Идя впереди путешественниковъ и указывая имъ дорогу, Карлъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и между прочимъ сурово осуждалъ бѣжавшихъ слугъ, которые не понимали, что мирные жители во время войны должны продолжать свою обычную работу. Скоро однако офицеръ замѣтилъ, что Карлъ ведетъ ихъ совсѣмъ не по тому направленію, какъ слѣдовало,—по какой-то узкой тропинкѣ между болотистыми лугами. Спустя нѣкоторое время К. могъ вполнѣ убѣдиться, что Карлъ имѣетъ намѣреніе завести ихъ въ непроходимыя топи. Опять пришлось взяться за револьверъ и направить его прямо въ лобъ проводнику. Понявъ, что его коварство открыто, Карлъ поблѣднѣлъ и задрожалъ. Сразу пропала вся его почтенность, а онъ сталъ униженно умолять о пощадѣ. Постоянно угрожая револьверомъ, К. заставилъ проводника вывести себя на правильную дорогу.

Въ тотъ же день К. и его денщику случилось быть свидѣтелями взмутительнаго дѣла. По дорогѣ они натолкнулись на нѣсколько опрокинутыхъ и разломанныхъ повозокъ, около которыхъ лежали обезображенные трупы польскихъ крестьянъ. Позднѣе одинъ изъ товарищей убитыхъ, почти чудомъ самъ избѣгнувшій смерти, объяснилъ, что здѣсь произошло. Это возвращались съ пустыми телѣгами мѣстные польскіе крестьяне, помогавшіе русскимъ подвозить провіантъ. На нихъ, совершенно безоружныхъ, напалъ отрядъ нѣмецкой кавалеріи, совершавшій свой рейдъ въ этой мѣстности. Нѣмцы рѣшили наказать поляковъ за помощь русскимъ. Крестьяне никакъ не ожидали, что ихъ будутъ рубить, хотя они не защищаются (да имъ и нечѣмъ было защищаться), и панично закрывали лица руками, ожидая только побоевъ. Вмѣсто того нѣмцы разсѣкали имъ черепа и прокололи ихъ пиками. Повстрѣчавъ дальше разъѣздъ казаковъ, К. указалъ имъ на присутствіе въ окрестностяхъ отряда нѣмецкихъ кавалеристовъ; всѣ они въ тотъ же день были истреблены.

Третій день пути уже не представлялъ тѣхъ опасностей, какъ два первыхъ. Мѣстность была вполнѣ очищена отъ германскихъ войскъ, и остерегаться приходилось только смирныхъ жителей. Впрочемъ большинство селеній по дорогѣ оказывалось совершенно пустыми. Русскіе полки уже выступили далѣе, а мѣстное населеніе не вернулось. Многія селенія имѣли такой видъ, словно всѣ жители ушли на нѣсколько часовъ на прогулку: въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ нѣмцы ничего не успѣли увезти съ собой и ничего не разрушили. Дома были вполнѣ пригодны къ жизни, которую можно было начать сегодня же; магазины наполнены товарами: виномъ, галантереей, ювелирными издѣліями. Обычно командиры нѣмецкихъ полковъ приглашаютъ къ дворамъ жителевъ стражу, предупреждая, что мародерство будетъ строжайше преслѣдоваться. Теперь же попадались и такія селенія, гдѣ съ уходомъ полка стража была временно снята, такъ что дома и магазины стояли неохраняемые никѣмъ.

Офицеръ не могъ скрыть, что при такомъ зрѣлищѣ у его денщика возникло сильное желаніе привезти цѣнный подарокъ своей женѣ (Р.—уроженецъ одной изъ внутреннихъ губерній). Великъ былъ соблазнъ при видѣ богатаго выбора дорогихъ вещей, какъ бы не принадлежащихъ никому. Офицеръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ своему авторитету, чтобы напомнить денщику о солдатскомъ долгѣ. Въ концѣ-концовъ Р. остался былъ удовлетворенъ нѣмецкой шинелью съ золотыми вензелями и полсотнею съ серебряными аксессуаріями,—своей законной военной добычей, взятой еще на полѣ битвы. Такихъ трофеевъ много у всѣхъ русскихъ солдатъ, такъ какъ на поляхъ битвъ валяются цѣлыя груды нѣмецкаго оружія; нашимъ уже надоѣло его подбирать.

Все путешествіе длилось три дня. Но, по словамъ К., оно потребовало большаго напряженія духа, чѣмъ трехдневный безпрерывный бой. Сознаніе исполненнаго долга и удачно выполненнаго порученія, конечно, давали высокое нравственное удовлетвореніе. И все-же, прибывъ къ мѣсту расположенія нашихъ значительныхъ силъ, откуда предстоялъ ѣхать уже въ полной безопасности, К. почувствовалъ, какъ онъ признается, такое облегченіе, какого не зналъ послѣ окончанія многодневныхъ боевъ и послѣ блестящей побѣды, одержанной при участіи его полка.

В. Брюсовъ.

Варшава, 25-го августа.

Новый германскій планъ.

—

Событія послѣднихъ дней ясно показали, что крупныя германскія силы перекинуты съ западнаго театра войны на восточный и что операціонный германскій планъ потерпѣлъ коренныя измѣненія. Число перевезенныхъ на востокъ германскихъ войскъ опредѣляютъ въ 300.000 человѣкъ. Само собой разумѣется, что эта цифра очень гадательна, но если даже она вѣрна, мы все-таки не знаемъ, ограничится ли дѣло тѣмъ, что перевезенными теперь корпусами, или они представляютъ лишь передовые эшелоны передвигающейся на востокъ главной германской арміи. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть лишь усиленіе германскаго заслона на восточномъ фронтѣ и подкрѣпленіе такъ сильно пострадавшихъ въ бояхъ австрійскихъ армій, во второмъ—пришлось бы считаться съ попыткой рѣшительнаго наступленія германскихъ и австрійскихъ войскъ на Россію съ цѣлью нанести ей рѣшительное пораженіе и тѣмъ вновь обратиться противъ Франціи.

Первое мнѣніе свидѣтельствовало бы прямо объ отказѣ Германіи отъ наступленія и о переходѣ ея къ оборонительной тактикѣ на обоихъ фронтахъ. Во Франціи германское наступленіе уже сейчасъ остановилось. Генеральное сраженіе въ долинѣ Марны, правда, еще не кончено, но нѣмцамъ во всякомъ случаѣ не удалось опрокинуть или прорвать союзную армію, и они уже теперь вынуждены перейти по меньшей мѣрѣ къ обороннѣ, а можетъ-быть, и прямо къ отступленію. Въ лучшемъ для нихъ случаѣ германцамъ, можетъ-быть, удастся сдерживать натискъ французской арміи и удерживать за собой занятыя ранѣе позиціи, но отъ наступленія они уже вынуждены отказаться, и ближайшей причиной этого является, повидимому, именно перевозка германскихъ войскъ. Между тѣмъ простое увеличеніе заслона на восточной границѣ, будетъ ли это увеличеніе выражаться цифрой въ 300.000 человѣкъ или какой-либо иной, само по себѣ не измѣняетъ коренныхъ образомъ обстановки на восточномъ театрѣ войны. Съ этими силами можно производить демонстраціи, можно дѣлать видъ, что наступаешь, но вести съ ними дѣйствительное, серьезное наступленіе противъ Россіи, конечно, невозможно. Можно допустить мысль о томъ, что съ полученными свѣжими подкрѣпленіями нѣмцамъ удастся вытѣснить насъ изъ Восточной Пруссіи, что они гдѣ-нибудь перейдутъ, можетъ-быть, русскую границу, но по существу Германіи и въ настоящій моментъ, послѣ присылки на востокъ подкрѣпленій, все-таки остается въ положеніи оборонняющейся стороны. Для перехода въ серьезное наступленіе нужна не присылка частныхъ подкрѣпленій, хотя бы очень крупныхъ, а перевозка сюда главныхъ силъ, что пока мы еще не видимъ.

При томъ распредѣленіи силъ, которое имѣется въ данный моментъ, Германія можетъ лишь обороняться на обоихъ театрахъ войны. Эта оборона не должна быть непремѣнно строго пассивной. Она можетъ быть, наоборотъ, очень активной, сопровождаться многочисленными попытками частичныхъ наступленій, и все-таки она останется обороной. Наполеонъ во-второй половинѣ 1813 г. и въ 1814 г. очень энергично велъ кампанію и все время наступалъ противъ отдѣльныхъ армій союзниковъ, и тѣмъ не менѣе обѣ эти кампаніи были со стороны Наполеона строго оборонительными. Такъ и теперь германское наступленіе въ Восточной Пруссіи, пока оно ведется тѣми силами, которыя сейчасъ имѣются въ распоряженіи Германіи на востокѣ, является наступленіемъ лишь по внѣшности, по существу же оно представляетъ операцію оборонительнаго характера.

Что можетъ сулить Германіи оборона на два фронта? Несомнѣнно, ничего хорошаго. Противники Германіи все время получаютъ сильныя свѣжія подкрѣпленія, ресурсы же самой Германіи уже истощаны. Поэтому если въ данный моментъ оборона обоихъ фронтовъ еще можетъ быть успѣшной, то черезъ одинъ—два или три мѣсяца соотношеніе силъ сторонъ окажется слишкомъ неблагопріятнымъ для Германіи на одномъ или обоихъ театрахъ войны, и оборона неизбѣжно будетъ сломлена. Но если бы даже дѣло дошло до такого положенія, что силы противниковъ уравновѣшивали бы другъ друга и ни одна сторона не могла бы получить окончательнаго перевѣса надъ другой, если бы побѣдителемъ оказался тотъ, кто можетъ взять своего противника изморомъ, то, разумѣется, и въ этомъ случаѣ побѣжденной стороной была бы Германія.

Оборона на два фронта настолько безнадежна для Германіи, что подобный планъ кампаніи никогда не входилъ въ разсчеты германскаго генеральнаго штаба. А такъ какъ Германія недостаточно сильна, чтобы одновременно вести серьезное наступленіе и на западѣ, и на востокѣ, то для нея съ настоятельной необходимостью диктовался единственный возможный планъ кампаніи: пользуясь быстротой своей мобилизаціи и превосходной желѣзнодорожной сѣтью, обрушиться главными силами на одного противника и разгромить его, а затѣмъ съ развязанными руками приняться за другаго противника. Вопросъ могъ быть только въ томъ, противъ кого направить первый ударъ,—противъ Франціи или противъ Россіи. И германскій генеральный штабъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что главная армія первоначально должна быть выставлена противъ Франціи и, лишь когда съ послѣдней дѣло будетъ кончено, обратиться противъ Россіи; временно